

«Литературная газета» писала: «Лирический герой Петрова обаятельно brutalный, резкий, бескомпромиссный, находящийся в поиске не вселенских смыслов, а ежедневных, но оттого еще более значимых для живущего. Здесь есть и русская отчаянность, и вера в чудо, и смирение перед тем, что изменить нельзя. Есть и патриотизм, не показной, а самый что ни на есть настоящий. На выходе — лирика чистой воды...»

Впервые стихи Виктора Петрова увидели свет в «Комсомольской правде», и он стал одним из победителей поэтического конкурса этой газеты, впоследствии — лауреатом Всероссийской литературной премии имени М. А. Шолохова. Известность принесли публикации на страницах журнала «Юность», отметившего его премией имени Владимира Соколова. За книгу «Лезвие» (М., Юность) был награжден европейской золотой медалью Франца Кафки.

Автор стихотворных сборников «Аркан», «Reserve of Level», «Дотла», «Грань», «Ротонда» и других. В соавторстве с Валерией Салтановой издана книга лирики «Парный стук сердец», вместе с ней как композитором выпущены сборники песен и романсов «Одолень-трава» и «Соляной спуск».

Дипломант Международной премии «Писатель XXI века» (2015). Осенью прошлого года стал лауреатом Славянского литературного форума и удостоен статуэтки «Золотой Витязь» за книгу стихотворений «Болевой порог» (М., Юность).

ТАГАНРОГ

Железная дорога вдоль Мертвого Донца
И Чеховское море без края и конца —
До красных звезд, до самой в коммуне остановки,
Где содраны революционные листовки

И загнан паровозик на площади в тупик,
И выстужена топка, призывный сорван крик...
И мир благословляем тяжелой царской дланью,
И я рукоположен в любовный сан — к свиданью.

Другого знать не должны — ни я, ни ты, никто.
Да, бранные... И что же?! Вспомняемся зато,
Когда сойдутся звезды и звездные составы
Проследуют к вокзалу узкоколейкой славы.

Смотреть за ними больно — слепящие огни:
Куда? зачем? Такого не ведают они...
Вагоны голосами простуженными полны,
И тянутся на отмель рифмованные волны.

Твои же губы ошеломляюще близки,
Но удержусь, продляя объятие тоски,
Затем, что я отныне отсюда не исчезну
И превозмочь сумею разверзнутую бездну

Булыжного проулка, где цокают слова
И дивная улыбка права ли, не права,
Когда удержишься у петровского ботфорта,
А после впечатляешь для снимка на фоне порта

Не абрисом восточным, но раем во плоти:
Сполна платить желаю — ответствуешь: «Плати»
И баснословную за себя заломишь цену!..
Да занавес опущен, и покидаем сцену.

Сойдемся, разойдемся — сроднимы вразнобой,
И запинается возле надолбов приборой,
И нет красноречивей потупленного взора,
И снять бы грех под сводом церковного притвора...

В саду накроет обморочный вишневый цвет,
Как будто белый саван грядущих скорбных лет.
Авто рвану... Загадана встречная дорога,
Да только не уеду с тобой — из Таганрога.

* * *

Знать ли вятских лесов глухомань
И вещуньи певучую речь,
Если вновь атаманит Тамань,
Снаряжая паромы на Керчь?

Окрыленная чайками высь,
Угловатого паруса бег...
Вдалеке же глазастая рысь
Испятнает порошистый снег.

Я на юг и на север пойду,
Потому как неведом предел.

Август крымскую сжег лебеду —
Жар идет от касания тел.

Море с морем сошлись... Так и мы...
Жизнь слиянная, жизнь заодно.
Это жизнь по Ремарку взаимны,
Двуединое общее дно.

Шторм выносит к тебе, а не к ней;
И — соленая накипь на мне,
И разбиться бы мог у камней,
Только жизнь и взаимны, и вдвойне.

Здесь подкову свою оброну,
Да не кинусь потерю искать,
Лишь скалистую трону броню —
Самому бы скалою и стать.

Мне уже не сойти с этих мест
До мгновенья последнего вплоть,
И не прост воспаряемый жест,
А крестильную явит щепоть.

БАБЬЯ ТРАВА

Однажды задумаю ветер... И он
Обнимет колен полнолуныя на склоне,
И бабьей травой сладим полусон,
И вынесут кони!.. Цыганские кони.

На Млечной дороге не знать колеи.
Да мне ли страшиться крутого обрыва?!
Запрячется ворон, доселе криклив, —
То выстрелил кнут, и рассыпалась грива...

Тебя укрываю, прижалась ко мне,
И часто колотится сердце двойное:
Недаром я выбрал хороших коней,
Хотя и позариться мог на иное!..

Да нет же — иного, другой не искал!
И скачем с тобой, отрываясь от горя,
И мерзлыми скулами северных скал
Аукнутся камни у южного моря.

Окажемся там, где никто никому
Не должен и счастлив поэтому только,
И ветер цыганского плата кайму
Истреплет по ходу, и рвется, где тонко...

Достанется огненный пестрый лоскут,
Быть может, и мне, а тебе так уж точно.
Отпущенный конь без поводьев и пут
Подругу отыщет у речки проточной.

А мы же, такие счастливые мы,
Вернемся туда, где степные законы
Цветут, дотлевают в объятиях тьмы,
И каждый курень не живет без иконы.

Назавтра другие пойдут к алтарю,
Чему обзавидуясь, ветер на срыве
Метнется туда, где лелеять зарю
И мчать стригунком, что мечтает о гриве.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Аргамак побудил Воркуту,
Просыпайся, подруга, не спи:
Он скакал, доскакал из степи —
Белу ночь подхватил на лету.

Пава белая, белая ночь,
Руки белые, белая грудь...
Ночи черные ты позабуди.
Очи черные видеть невмочь,

Я другие знавал города,
Я не верю уже никому,
Но безрадостных дней кутерьму
Сменит радостных слов череда.

Кипень белых ночей за окном —
Ты подходишь к нему босиком...
Я знаком ли тебе, не знаком,
Только мы говорим на одном

Соловьином наречии трав,
И стихает во мне колоброд
От объятий русалочьих вод...
Ты права, потому и не прав,

Что искал не такую, не там...
Так встречай золотого коня!..
Белой ночью не жечь мне огня,
А припасть к неустанным устам.

Сон уйдет — белой ночи молва
Аргамаку рванется вдогон
Мимо вятских лесов да на Дон:
Слева — Нижний, а справа — Москва.

Лягушачий принц

Куда ты, лягушачий принц?
Она тебе стрелу пустила —
И пала пред тобою ниц...
Ее любви живая сила
От колдовства бы исцелила
Одним лишь только поцелуем —
И брак с такою неминуем.

Но ты постыдно ускакал
Туда, где чавкает болото.
Тебе не нужен тронный зал,
Да и влюбляться неохота.
Дурак ты, принц босой... Босота!
Венчала бы тебя корона,
Сойдись навеки с ней законно,

Зеленые твои глаза
Не видят ничего неужто?!
Из-за подружек лишь, из-за...
Весной заходишься натужно:
Тебе отныне мало нужно —
Витать бы в эмпиреях только
И рвать привычно там, где тонко...

Ах, как же лучница мудра
И этой мудростью прекрасна,
И мановением пера
Вершит дела — тебе ль не ясно?!
С такой на свете не опасно,
Когда доверишь управлять ей
Потешной королевской ратью.

Ты сам не станешь королем,
Бездумно прозябая принцем.
Сидеть другому за рулем,
Хотя бы мог пойти на принцип
И не в болоте жить, а в Ницце.
Всего лишь поцелуй, объятье —
Да есть ли у тебя понятия?!

Лягухи прочие теперь
Живут при славе и почете,
Не знают горестей, потерь —
Тебе же квакать на болоте.
Ошибка вышла при расчете:
Стрелу она в сердцах сломала —
Такой потребно много, а не мало.

И если целит наугад,
То счастья более не ищет.
Мерещатся ей невпопад
Меж тем зеленые глазищи,
И думает о принце нищем
В своем далеком стольном граде,
Не ведая, чего бы ради...

ЗВЕРЮГА

Разбитая лапа кровила,
И ты волочила капкан,
И с неба сорочьи правила
Ему указали на стан

Звериной кончины в сугробе...
Все ближе породистый лай —
Уйти от него и не пробуй,
А скорый конец пожелай.

И вот он прицелился точно,
Да только отставил ружье...
Глаза — две поставленных точки,
Вовек непощенье твое.

Звериную славу исхода
Понять ли кому и когда?
Остаться на месте — свобода,
Презренье твое навсегда!

Хватить бы ружье о березу,
Чтоб вышло спасенье ему,
И дальше рвануть по морозу,
Не зная, зачем? почему?

БАБОЧКА СЕРДЦА

Витала бабочка над нами,
А мы с тобою — взор во взор,
Но твоего глазного дна мне
Достать нельзя наперекор

Сиреням вокруг — до помраченья,
До отторжения любви...
Объята страхом — страх леченья.
Зовешь меня... Всегда зови!

Томимся в клинике с тобою,
И рву мольбой на части грудь:
«Господь, спаси от боли болью,
Храни ее — меня забудь!»

И вслед тебе по коридору
Другая бабочка мелькнет —
Сама невидимая взору,
Верша спасительный полет.

Она проследует в палату,
Куда заказаны пути.
Лети к рассвету, не к закату,
Лети же, бабочка, лети!

И скорой помощи сирены
Кричат взхлеб и без конца,
Но под наркозом пусть сирени
Коснутся милого лица;

Тебя спасут и мановенья
Прозрачных двуединых крыл,
И бликов по челу скольженья,
Как будто близкий близко был...

Когда же выйдешь — никакая,
То бабочка прервет витье
И сядет, крыл не размыкая.
Не сердце это ли мое?

ШОТЛАНДСКАЯ СКАЛА

Дошел до крайности, где край
Острее лезвия теперь...
Давай на жизнь свою сыграй —
Любовь синоним ли потерь?

Подняться надобно с колен
И выйти к высоте орла:
Стоять мне сутки на скале —
Пытай, шотландская скала!

Обычай северный таков,
Когда жену берешь себе,
Иди на край — и будь готов
Слепой довериться судьбе.

Звучит волынка ветра здесь,
И шторм злорадствует внизу,
Но, точно лук, натянут весь,
Я должен выдержать грозу.

Тебя люблю и не люблю,
А как еще хотела ты,
Когда погибель кораблю
Сулит исчадь темноты?

Спаду с мореного лица,
И выест соль разрезы глаз,
И грань венчального кольца
Сверкнет звездой хотя бы раз.

Увижу знак, постигну знак
И не забуду о своем:
Пускай объял крошечный мрак —
Один стою, стоим вдвоем.